

THE EARLIEST IBERIAN WRITING AND ITS MEDITERRANEAN CONNECTION

by V. I. Kozlovskaya

The language and writing system of the earliest population of the Pyrenean peninsula is still a subject of dispute in spite of the more than two centuries passed in studying them. The trouble is that we do not know the language of the ancient Tartessians and Iberians, and the inscriptional remains are very fragmentary. E Hübner, the first to collect the pre-Latin inscriptions of Spain, believed the earliest South Lusitanian or Tartessian script to be derived from the Phoenician alphabet. This theory delayed general recognition of the syllabic character of certain signs, which had been detected earlier by A. Delgado and J. de Zangróniz. Thanks to the many studies by M. Gómez-Moreno and his pupils A. Tovar, J. Maluquer de Motes and J. de Hoz, interpretation of the signs in the South Iberian script became possible, and the local inscriptions are now widely studied. The theory put forward by A. Schulten, that the South Iberian script came from Asia Minor, is no longer defended by anyone. The present state of our knowledge allows, in the author's opinion, no more definite conclusion than that the population of Tartessus, who used this script, was in communication with the island peoples of the Aegean basin in the epoch preceding the Phoenician colonisation, but not that the script was borrowed from them. The area where most of the inscriptions were found does not coincide with the region directly affected by Phoenician colonisation. This suggests that the script was developed by the local population in the course of their own social evolution (a view held by the Spanish historian J. Caro Baroja). The script served the needs of a growing state apparatus, and the fact that a script was created confirms the high degree of social, economic and cultural development in Tartessus which is attested by the literary tradition of antiquity.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ELISABETH RIEFSTAHL, Ancient Egyptian Glass and Glazes in the Brooklyn Museum, Brooklyn, 1968, 93 черно-белых иллюстраций, XIII цветных таблиц

Из предисловия хранителя Бруклинского музея Б. Ботмера и директора музея Т. Бюхнера явствует, что эта хорошо изданная книга — первая в серии задуманных музеем монографий, посвященной различным большим явлениям в мировом изобразительном искусстве древности, представленным в Бруклинском музее. Исследование Е. Рифсталь издано в честь Ч. Э. Вильбура, пожертвовавшего свою коллекцию египетских древностей и свою библиотеку Бруклинскому музею.

Автор настоящей монографии — Е. Рифсталь — начала свою работу в отделе древностей Бруклинского музея в 1937 г., а в 1948 г. издала первую брошюру «Glazes from Ancient Egypt», посвященную той же теме, которая и была расширена до размеров рецензируемой монографии.

Вводная глава посвящена общим сведениям о стекле в древнем Египте, а все более специальные вопросы рассматриваются в расширенном комментарии к каждому из описываемых в работе памятников.

Библиография, приводимая автором, доведена до настоящего дня. Из упомянутых здесь работ отметим в особенности два исследования, принадлежащие недавно умершим крупным ученым, — В. С. Смит и Дж. Куни¹. Из предшествующих же исследований следует назвать капитальную работу А. Лукаса, ставшую уже классическим трудом по изучению художественных ремесел древности Егип-

та, в частности и стекла. Мы особо отмечаем эту работу, поскольку Е. Рифсталь в значительной мере на нее опирается в изучении памятников Бруклинского музея².

Русскую дореволюционную и в особенности советскую науку древнеегипетское стекло интересовало уже давно. Этому разделу художественного ремесла всегда отводилось и продолжает отводиться особое место в развитии всеобщей истории искусства. Из специальных работ напомним ранее исследование Н. Д. Флитнер, хотя и посвященное стеклу и глазурованным изделиям эпохи Амарны, тем не менее с большой глубиной разбирающее тот же материал всего древнеегипетского искусства в целом³. Позднее стеклу и стекловидным изделиям (так называемому древнеегипетскому фаянсу) была посвящена и наша работа, основанная на памятниках Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина⁴.

Е. Рифсталь была безусловно права, назвав свою книгу «Древнеегипетское стекло и стекловидные изделия Бруклинского музея». Дело в том, что уже давно, как и в названных здесь работах, так и в ряде других исследований, в особен-

² A. Lucas, *Ancient Egyptian Materials and Industries*, L., 1948. Советское издание — А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*. Пер. с англ. Б. И. Савченко, под общей ред. и с вступит. статьей В. И. Авдиева, М., 1958.

³ Н. Д. Флитнер, *Стекло-керамические мастерские Тель-Амарны* «Ежегодник Российского Института истории искусств», т. I, вып. 2, Пг. — М., 1922, стр. 137—167.

⁴ В. В. Павлов и С. И. Хаджаш, *Художественное ремесло древнего Египта*, М., 1959, стр. 144—184.

¹ W. S. Smith, *Interconnections in the Ancient Near East*, New Haven — London, 1965. В особенности глава III «The Part Played by the Manufacture of Glazed Faience», стр. 38—50; J. D. Cooney, *Glass Sculpture in Ancient Egypt*, «Journal of Glass Studies», 2, 1960, стр. 10—43.

ности же в капитальном труде А. Лукаса, установлены были по существу три фазы в развитии древнеегипетского стеклоделия. На первом этапе производства стекла тот или иной предмет покрывается стекловидным составом глазури. Изделия этого типа, известные уже со времени древнейшего Египта, вполне условно именовались египетским фаянсом. Густо оглазуренная поверхность формы не связана в предметах этого рода со своей средневековой⁵. Позднее — в «промежуточном периоде», как его назвал А. Лукас, — мы имеем дело уже с изделиями, выполненными из сплошного однородного стекловидного состава, без всякой глазурной облицовки⁶. Стекловидный состав подобных изделий иногда именуется пастой. А. Лукас, со ссылкой на Брантона, насчитывает несколько сот бусин этого рода, разнообразных по цвету и восходящих уже к пятой династии Древнего царства⁷.

Наконец, на завершающем этапе развития стеклоделия в Египте (I тыс. до н. э.) появляется уже бесцветное, прозрачное стекло. Ранние его образцы А. Лукас и Е. Рифсталь отмечают в инкрустациях на спинке трона Тутанхамона⁸. Во всяком случае, появление прозрачного стекла современные исследователи с достаточным основанием относят ко времени XVIII династии. Новым царством Рифсталь датирует и интересный флакон в форме рыбы из собрания Бруклинского музея⁹. Предмет этот едва ли не самый ранний из известных нам образцов прозрачного стекла желтовато-зеленоватого цвета. Автор отмечает, что сама форма сосуда в виде рыбы хорошо известна в искусстве XVIII династии. Со своей стороны добавим еще одну черту, ставшую характерной для египетского искусства с древнейших эпох: соединение большой точности и правдивости изображения с известной условностью трактовки формы. Флакон изображает определенную рыбу — *tilapia nilotica* — и вместе с тем мастер дал очень красивую обобщенную форму и линию силуэта, без излишней детализации. К тому же времени поздней XVIII династии относит автор и очаровательную женскую головку из светло-зеленого стекла от статуэтки, очевидно выполненной в другом материале (№ 35, стр. 38). «Автор поддерживает мнение Кунн, отнесшего этот памятник ко вре-

мени Амарны, с чем, вероятно, следует согласиться¹⁰. Отмечу еще одну особенность этого уникального в своем роде памятника. Он свидетельствует о характерном и частом для египетского искусства переносе особенностей и техники одного вида искусства на совершенно другой материал (в данном случае перенос особенностей круглой скульптуры на предмет прикладного искусства).

Невозможно, разумеется, детально остановиться на всех памятниках, описанных в рецензируемой книге. Отметим лишь некоторые из них, важные в том или ином отношении для развития или изучения египетского стеклоделия.

Особенно интересна статуэтка из слоновой кости стоящего в традиционной позе фараона, с выдвинутой вперед левой ногой¹¹. Голову его украшает синяя корона из стекловидного материала, с голубым отворотом спереди. Кусочки стеклянной инкрустации сохранились в глазах и бровях фараона. Автор замечает, что синие и голубые вставки в статуэтке заменяли лазурит и бирюзу, так как стекло расценивалось дешевле упомянутых камней, нужных для инкрустации, но все же считалось редким и достаточно ценным материалом для данного случая. Автор прав и в атрибуции изображенного в статуэтке фараона — Эхнатона либо Сменхкара, — ссылаясь при этом на Вандье¹². Проблема портретного изображения в памятниках амарнского периода стоит в центре внимания современной науки. Ряд, казалось бы, установленных памятников подверглись переатрибуции. Что же касается статуэтки из музея в Бруклине, то скорее, как мне кажется, в ней изображен Сменхкара, нежели Эхнатон.

После Нового царства, как указывает Е. Рифсталь, снова начинают преобладать изделия из фаянса. Такова и статуэтка богини или царицы в светло-зеленом стекловидном фаянсе в традиционной позе с выдвинутой вперед левой ногой¹³. Я в полной мере согласен с Е. Рифсталь, отнесшей статуэтку к раннептолемеевскому периоду и сравнившей ее с известной статуэткой из Греко-Римского музея в Александрии (№ 1332). Эта статуэтка была отнесена Б. Ботмером ко времени между 300 и 275 гг. до н. э.¹⁴ К тому же

¹⁰ Cooney, *Glass Sculpture in Ancient Egypt*, стр. 26, табл. 18.

¹¹ Riefstahl, ук. соч., табл. VIII, № 33, высота статуэтки 20,2 см.

¹² J. Vandier, *Manuel d'Archéologie Egyptienne. La Statuaire Egyptienne*, III, P., 1958, стр. 348, 350.

¹³ E. Riefstahl, ук. соч., табл. 72. Бруклинский музей № 64198, высота 10,6 см.

¹⁴ B. Bothmer, *Egyptian Sculpture of the Late Period*, Brooklyn, 1960, стр. 119—120, табл. 88—89.

⁵ Очень ясно эта техника так называемого фаянса объяснена была уже в названной статье Н. Д. Флитнер (стр. 142); см. также Лукас, ук. соч., стр. 289—292.

⁶ Лукас, ук. соч., стр. 292.

⁷ G. Branton, Badari, I, стр. 33.

⁸ Лукас, ук. соч., стр. 304; Riefstahl, ук. соч., вводная гл.

⁹ Riefstahl, ук. соч., № 30 и цветная табл. VII.

времени я отнес и статуэтку № 67916 из Гос. музея изобразительных искусств им. Пушкина, сравнив ее с памятником из музея в Александрии¹⁵. Отмечу кстати, что статуэтка из Бруклинского музея особенно интересна и уникальна тем, что в ней с исключительной наглядностью показан этот характерный для египетского искусства прием переноса одной техники в другой материал и притом переноса целиком стиля круглой скульптуры в статуэтку из стекла.

Особый интерес представляют собою и две статуэтки Бруклинского музея, отнесенные автором к римскому периоду и выполненные в том же материале стекловидного фаянса с насыщенной яркоголубой глазурью. Такова фигурка грифона и статуэтка Афродиты — Анадиомены. Это одна из самых крупных из-

вестных нам скульптур, выполненных в стекловидном материале¹⁶.

Е. Рифсталь отводит много места в своем исследовании вопросам техники изготовления стекла и стекловидных изделий. Нужно согласиться с автором, что, несмотря на достаточную изученность процесса обработки стекла в древнем Египте, многое тем не менее остается не до конца ясным. Автор пишет: «Египтяне не оставили нам ни формул, ни описания их методов обработки стекла и при всем том многие их стеклянные изделия отличались удивительной виртуозностью. Даже обычная их продукция необычайно пленительна своим разнообразием. Это очарование ремесла особенно сильно для нас, живущих в монотонном мире машинной продукции. Древний стеклодел обладал удивительным чувством материала, столь существенным для художника-ремесленника и по сию пору».

В. В. Павлов

¹⁵ В. Павлов, Египетская статуэтка женщины из собрания ГМИИ, сб. «Культура античного мира», М., 1966, стр. 177—186.

¹⁶ Riefstahl, ук. соч., табл. XIII, №№ 88 и 91.

Н. OTTEN, *Die Hethitischen historischen Quellen und die altorientalische Chronologie*. Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1968, № 3, Mainz, стр. 101—126

В рецензируемой обширной статье, вышедшей и отдельной брошюрой, крупнейший западногерманский хеттолог Г. Оттен делает ряд весьма важных наблюдений, в результате которых ставится под сомнение существование некоторых хеттских царей. Сокращение списка правителей Хатти дает возможность автору рецензируемой работы отдать предпочтение так называемой «короткой» хронологии (см. ниже).

В первую очередь Г. Оттен рассматривает вопрос о Лабарне. После сопоставления данных «списков пожертвований», а именно, хеттских текстов KUB, XXXVI, 120; KUB, XI, 4; KUB, XI, 7 и KBo, XIII, 43, автор рецензируемого труда повторяет выдвинутое им ранее заключение¹, что «Лабарна» и «Хаттусили» указанных выше надписей являются лишь разными именами одного и того же правителя — Хаттусили I (стр. 8). Одновременно предполагается, что в «Лабарне» других хеттских источников периода Новохеттского царства (например, в договоре, заключенном Мува-

талли с Алаксанду) везде следует видеть Хаттусили I. В противоположность «спискам пожертвований» древнехеттский текст — «Указ Телишину» — восстанавливает, как полагает Г. Оттен, двух разных последовательных царей: Лабарну (§ 1) и Хаттусили (§ 5). Согласно Г. Оттену, это является ошибкой составителя исторического введения «Указа Телишину».

Доводы Г. Оттена относительно отождествления «Лабарны» и «Хаттусили» указанных «списков» убедительны. Можно больше не сомневаться в идентичности этих лиц, тем более, что царица Каддуши выступает в этих «списках» как супруга то «Лабарны», то «Хаттусили», а соблюдая порядок последовательности царей, после Лабарны/Хаттусили «списки» везде (KUB, XXXVI, 120; KUB, XI, 4; KBo, III, 43) называют следователя за Хаттусили I царя Муршили (I). Однако установление этого факта пока еще не должно ставить под сомнение существование царя Лабарны «Указа Телишину» (§ 1), военную деятельность которого интересующий нас документ в отдельных случаях отличает от деятельности Хаттусили I (ср., например, данные § 4 «Указа Телишину»). рассмат-

¹ «Fischer Weltgeschichte», 3, 1966, стр. 113 сл. См. также в рецензируемой работе стр. 8, прим. 1.